

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА,

Экран и сцена. - 1995. - 1-8 июля (№№ 24-25) - с. 2

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Т. Богомолова

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ

В этом сезоне событий было много — фестивали, конкурсы, презентации, вручали призы и награды, отмечали лучших, газеты публиковали рейтинги театральных критиков и журналов. Премьера следовала за премьерой, залы взрывались овациями, режиссеров венчали лавровыми венками. Казалось, всеобщему ликованию не будет предела — так ликует переполненный стадион на спортивных соревнованиях, когда финишируют бегуны и электронная система фиксирует конец забега.

Четыре спектакля один за другим разорвали красную ленту — «Маскарад» Л. Хейфеда, «Горе от ума» О. Ефремова, «Женитьба Фигаро» М. Захарова и «Доктор Живаго» Ю. Любимова. За плечами остался долгий мучительный путь — почти два года репетировал Л. Хейфец, полтора — О. Ефремов, долго готовил спектакль М. Захаров. Менялись исполнители главных героев, работали несколько составов — режиссеры словно выискивали резервы, для того, чтобы сделать следующий шаг, они словно «выжимали» из себя эти спектакли по капле, по крохе, пытались не сойти с дистанции.

Четыре постановки объединяет одно — они сделаны на пределе возможностей, они — как точка в предложении — означают конец фра-

зы, конец мысли, за которым может быть только новая мысль.

Сюжет романтического поколения «шестидесятников» и романтического героя заканчивается именно здесь. Когда-то Ефремов ставил «Заседание парткома», его герой сражался с лицемерием, неправдой, и побеждал. Когда-то Ю. Любимов всерьез боролся с властью, режимом, и истина была на его стороне. Сегодня режиссеры, не сговариваясь, ставят спектакли о романтических героях — Арбенине, Чацком, Живаго, и снова пытаются впитать их и себя во время.

«Вон из Москвы, сюда я больше не езди!» — восклицает Чацкий, и кажется, что можно переделать мир, что еще можно быть в нем максималистом, решительно не принимать и отвергать, и не допускать компромиссов. Но сходит с ума и под печальную музыку успокаивается на коленях у Звездича Арбенин в финале «Маскарада», умирает, выйдя из трамвая, Живаго, остается в доме Фамусова и женится на Софье Чацкий. Для героев всех этих спектаклей нет будущего, нет завтрашнего дня — спектакли заканчиваются здесь и сейчас, вместе с ними заканчивается и жизнь их персонажей. Романтические герои, по сути дела, перестают быть героями — они устают ими быть. В

свое время Сашенька Негина говорила Пете Мелузову: «Ты хочешь, чтобы я была героиней, а я — не героиня». Если Чацкий хлопает дверью, то это значит, что все еще впереди, что «там, за горизонтом» что-то еще есть, на что можно надеяться и чем можно жить. Он уходит в огромный мир, оставляя для себя возможность свободного выбора — он может выйти и глубоко вздохнуть. Для Чацкого, оставшегося в доме, выхода нет.

Когда-то О. Ефремов мог позволить себе уйти из «Современника», когда-то Ю. Любимов мог, подобно байроновскому Чальд-Гарольду уехать за границу. Сегодня О. Ефремов уходит с поста главного режиссера МХАТа, но все же остается в театре, сегодня Ю. Любимов прощается покинуть Родину, но все же сидит здесь — идти некуда.

«Выхода нет» — вот, пожалуй, основной лейт-мотив сезона, почти незамеченный среди премьерных шумих. Режиссеров дарили цветами и поздравляли. Вручали «Хрустальную Турандот» и подводили итоги сезона. «Шестидесятников» чествовали, не замечая того, что их спектакли сделаны на полном выдохе, на финишном рывке, на последнем дыхании.

Ольга БОГОМОЛОВА.